

Пол Хорвич

Раскавычивание и причина в теории референции*

За последние 25 (или около того) лет обсуждение понятия *референции* фокусировалось на относительных достоинствах трех альтернативных моделей. Первой является теория *дескрипции*, согласно которой x относится к y , когда x ассоциируется с дескрипцией y . (Это взгляд Фреге-Рассела, в наши дни его отстаивают Серл и Катц.) Второй является *каузальная* теория, согласно которой x соотносится с y , когда существует определенная каузальная цепочка, связывающая x и y между собой. (Эта идея пропагандировалась Крипке, Патнэмом, Эвансом, в ранних работах Филда, Стампа, Дретцке и Фодора; её вполне можно назвать мейнстримом). А третьей – она появилась не так давно – является *дефляционная* теория (также известная, как «минимализм» или теория раскавычивания), согласно которой указание x на y является, грубо говоря, причиной того, что x является *словом* «N» (в кавычках), а y является *вещью* N (без кавычек). (Эта точка зрения отстаивается мной, а также Филдом в его недавних работах).

Где же находится Лоар по отношению к этим трем вариантам? На мой взгляд, он занимается преимущественно позицию каузальной теории, приправляя её теорией раскавычивания. Если говорить конкретнее, то его точка зрения состоит в следующем утверждении: у нас существует предтеоретическая концепция референции, которая привязана к схеме раскавычивания, и эта концепция демонстрирует нам истинную природу референции, которая, в свою очередь, представляется в виде набора каузальных отношений. Позвольте мне подробно проанализировать и объяснить эту чрезмерно упрощенную характеристику взглядов Лоара; для этого я прослежу путь, по которому он пришел к своим идеям.

Он начинает с предположения, что отношения референции представляют собой объективные, внешние по своей природе (типично

* Horwich P. Disquotation and Cause in the Theory of Reference // Philosophical Issues, 6, 1995. Перевод выполнен Аленой Горбуновой, Никитой Кравцовым и Александрой Проскуряковой с любезного разрешения автора. – Примеч. ред.

каузальные) отношения между ментальными термами (то есть, концептами) и вещами, на которые они указывают. Впрочем, его взгляд более либерален (как минимум в двух отношениях), нежели классическая каузальная теория. Лоар не утверждает, что *все* термы (даже далеко не *все имена*) осуществляют референцию таким способом – только те термы, которые принадлежат вполне определенным семантическим категориям (например, социально-дифференцированные имена и концепты распознавания). Более того, он не поддерживает идею того, что существует лишь *одна* каузальная связка, конституирующая референцию: он полагает, что термы, подпадающие под другие семантические категории, будут демонстрировать совершенно иные объективные референциальные отношения.

Однако подобная гибкость оставляет Лоара наедине с двумя трудностями. Во-первых, что выделяет какое-то конкретное каузальное отношение для некоторой данной категории термина как референциальное отношение? К примеру, почему мы должны отождествлять референцию с казуальным отношением между словом «дерево» и *деревьями*, а не с отношением между словом «дерево» и *поверхностями деревьев*? (Это он относит к проблеме неопределенности и непостоянности референции, рассматриваемой Куайном.) И, во-вторых, какая разделяемая всеми черта различных каузальных референциальных отношений – тех, что конституируют референцию для различных семантических категорий – характеризует каждое такое отношение как *референцию*? Как это множество различных объективных связей может считаться референцией?

Решение, предлагаемое Лоаром, состоит в применении раскавычивания. Обладая общей дисквотационной концепцией референции, мы, еще до отождествления каузальных отношений с референциальными отношениями, знаем, что наше слово «дерево» указывает на *деревья*, а не на *поверхности деревьев*. Таким образом, наша предтеоретическая концепция раскавычивания предоставляет нам, во-первых, ограничения, которые позволяют нам определить (в рамках данной семантической категории), какое каузальное отношение является референциальным; и, во-вторых, объяснение того, каким образом мы группируем под одним наименованием («референциальные отношения») те различные каузальные отношения, определяемые приведенным выше образом.

Мы видим изобретательную и остроумную комбинацию каузальных и дисквотационных элементов в концепции Лоара:

референция является каузальным отношением, которое определяется благодаря теории раскавычивания. Однако, как полагает Лоар, остается и другая трудность. Коль скоро было сказано, что наша концепция референции каким-то образом объединяет «дерево» с деревьями и помогает связать «Лондон» с Лондоном и так далее, нам лишь остается понять, как же это все работает. Нам необходимо объяснение нашей концепции референции, которое бы точно объяснило, каким же образом получается, что наша концепция приводит нас к пониманию и принятию того, что и на что указывает, и как из этого можно понять, чем же, наконец, являются референциальные отношения.

Это особенно проблематично, когда мы поддаемся соблазну думать о нашей концепции референции как о *дескриптивном объяснении референциального отношения*. Поскольку наша концепция сводится к тому, что такую вещь невозможно обнаружить. Она просто не может быть определением вида

Референция есть отношение между дисквотационными парами,

так как раскавычивание связывает пары *выражений*, а не выражения и вещи. (Как говорит Лоар, мы не приближаемся к объекту, когда снимаем кавычки.) Точно также наше объяснение не может быть определением вида

Референция есть отношение между референтами дисквотационных пар,

которое содержит в себе круг. И точно также оно не может быть таким:

Референция есть отношение между словом «Лондон» и Лондоном, словом «дерево» и деревьями, и так далее...

Поскольку это сделало бы нашу концепцию зависимой от конкретных слов, которые случайно пришли нам на ум.

Ответ Лоара заключается в том, что наше понятие референции является скорее *демонстративным*, нежели *дескриптивным*. Когда пара терм/объект $\langle x, y \rangle$ концептуализируется как случай «упоминание-употребление», или раскавычивание, имеется, как он говорит, особая *феноменология*, особое *чувство*, вызываемое данной парой. То, что происходит в моем сознании, когда я определяю пару \langle «Лондон»,

Лондон> как случай референции, аналогично тому, что происходит в момент определения пары <<Аристотель», Аристотель> – в обоих случаях я удерживаю в сознании тот факт, что некоторая пара терминов соотносится дисквотационно. Таким образом, Лоар приходит к следующему положению: референция является тем, что он называет «демонстратив-распознающий-тип» – концептом формы «это свойство снова», который запускается в работу своеобразной феноменологией, ассоциирующейся с раскавычиванием. Еще раз, пара сущностей, x и y , может быть определена двумя способами, C и D , которые связаны дисквотационно; особое чувство вызывает некоторый конкретный концепт, «это отношение снова», но это и есть наш концепт референции.

Теперь позвольте мне вкратце отметить, что, на мой взгляд, правильно, а что нет в позиции Лоара. Как дефляционист, я с удовольствием отмечаю акцент на раскавычивании. Я согласен с тем, что наша концепция референции очень близко завязана на схеме раскавычивания. В самом деле, можно сказать, что наше владение этим концептом состоит ни больше, ни меньше в диспозиции к принятию подстановок в данную схему. Я не думаю, что *феноменологические* замечания Лоара добавляют хоть что-нибудь важное к этой идее; но, в то же самое время, я не думаю, что они способны и навредить. Впрочем, если говорить о негативной стороне вопроса, я сомневаюсь в том, что у референции есть какая-то глубинная природа. Поэтому я не могу согласиться с точкой зрения Лоара, согласно которой наш дисквотационный концепт приводит нас к истинной каузальной природе референции. Позвольте закончить указанием на три момента, которые, на мой взгляд, поддерживают скептический настрой по отношению к идее, согласно которой референция конституируется каким-то подлежащим отношением или отношениями.

Во-первых: наша концепция референции не предполагает наличия подобной вещи и не дает нам никаких причин ожидать ее обнаружения. Предположим, что наша концепция заключается в диспозиции принимать подстановочные случаи схемы раскавычивания. Тогда именно это и является фактом, который придает терму «указывает на» (на английском, испанском или ментализе) его значение. И, поскольку мы готовы использовать широкое определение слова «свойство», согласно которому все обладающие значением предикаты выражают свойство, то у нас есть полное право предположить, что референция является подлинным отношением. Тем не менее, вопрос о том, конституируется ли это отношение некоторым каузальным

отношением (или же какой-либо другой объективной внешней связью), представляет собой совершенно другую проблему. И дисквотационное объяснение нашего понятия – даже с учетом характеристики оног Лоаром как демонстратива-распознающего-тип – не дает нам основания полагать, что могут существовать какие-либо подобные конституирующие отношения.

Во-вторых: используя нашу концепцию раскавычивания, мы можем определить неограниченное число пар терм/объект, $\langle x, y \rangle$, так, что x указывает на y . В таком случае, как отмечает Лоар, мы способны обнаружить каузальное отношение, R , которое для всех термов внутри некоторой данной семантической категории будет работать следующим образом:

x указывает на y тогда и только тогда, когда xRy .

И на основании этого открытия, как он говорит, мы будем иметь обоснование того, что референция (для данной категории) тождественна или конституируется отношением R . Впрочем, я думаю, что последний шаг ошибочен. Мы, конечно, *можем* (впрочем, нет причины полагать, что мы *действительно это сделаем*) найти некоторое каузальное отношение, *коэкстенсивное* с референцией. Однако без дополнительной аргументации нельзя сделать вывод о том, что референция *конституируется* R . Обратите внимание на другой пример. Основанием полагать, что свойство «быть водой» конституируется свойством «быть составленным из молекул H_2O », является не только тот факт, что каждый отдельно взятый экземпляр воды сделан из H_2O . Существует определенная *объяснительная* связь между этими свойствами, а именно: характеристики, благодаря которым отдельно взятый экземпляр опознается нами как вода, объясняются тем фактом, что этот экземпляр составлен из молекул H_2O . В общем, основанием предполагать, что поверхностное свойство S конституируется подлежащим свойством U , заключается в том, что обладание U объясняет характеристики, являющиеся симптоматичными по отношению к обладанию S . Таким образом, заключение, что референция конституируется R , должно было бы содержать в себе подробное описание других свойств, которые коррелируют с индикаторами референции, а также аргумент в пользу того, что обладание этими симптоматичными характеристиками референции лучше всего объясняется наличием отношения R . Следовательно, бремя аргумента, который необходимо привести до того,

как мы предположим, что R является подлежащим отношением для референции, является более трудным, чем считает Лоар. У нас не только нет причин полагать, что мы когда-нибудь обнаружим отношение R , коэкстенсивное с отношением референции (в рамках данной семантической категории); но даже это маловероятное открытие не будет достаточным для вывода, согласно которому референция конституируется R .

В-третьих: у нас не только нет причин полагать, что описанный выше случай возможен, у нас также имеется позитивное основание полагать, что это в принципе *не может быть сделано* – особенности референции *не могут* быть объяснены путем обращения к подлежащему каузальному отношению. Следовательно, учитывая предыдущее замечание, у нас есть позитивное основание полагать, что у референции нет подлежащей природы. Это основание (которое, я боюсь, может быть объяснено мной здесь лишь в нескольких штрихах) вытекает из правдоподобного предположения о *функции* нашего понятия референции: существует, говоря буквально, устройство семантического восхождения – инструмент, позволяющий нам формулировать обобщения весьма особого вида, для формулирования которых в противном случае следовало бы использовать аппарат подстановочной квантификации. Вот пример. Предположим, что кто-то, говорящий на языке, который мы до конца не понимаем, приписывает свойство – скажем, *красноту* – тому или иному объекту; но мы не знаем, какой вещи приписывается краснота, потому что мы не понимаем сингулярный терм – «#», который используется для обозначения вещи. Как мы можем выразить то, что было сказано говорящим? Без понятия референции мы вынуждены высказать ряд утверждений вида:

Если «#» значит « a », тогда a есть красное, и
 Если «#» значит « b », тогда b есть красное, и
 Если ...,

где « a », « b », ... являются единичными терминами английского языка. Однако это бесконечный список; для каждого возможного значения «#» есть свой отдельный пункт. Если, скажем, у нас есть термин «указывает на», удовлетворяющий принципу схемы раскавычивания

Если x значит «*», то референт x идентичен *,

тогда этот бесконечный список можно заключить в единственное утверждение. Скажем, учитывая подстановочные случаи нашей схемы,

если «#» означает «*a*», то референт «#» = *a*, и
если «#» означает «*b*», то референт «#» = *b*, и
если ... ,

изначальный список эквивалентен следующему:

если «#» означает «*a*», тогда референт «#» является красным, и
если «#» означает «*b*», тогда референт «#» является красным, и
если ... ,

чье содержание (учитывая, что один из антецедентов истинен) есть

референт «#» есть красный.

Таким образом, понятие референции, постольку оно выполняет принцип раскавычивания, позволяет схватить определенные обобщения, которые не могут быть схвачены при помощи обычных средств (то есть, «все», «каждый» или универсальный объектный квантор). Если данное утверждение верно, тогда факты, связанные с понятием референции (включая и те, что связывают референцию с другими свойствами), не могут быть выведены из обычных несемантических обобщений и, таким образом, не могут быть объяснены с их помощью. То есть, нет какого-либо объяснительного прироста в допущении, что у референции имеется несемантическая подлежащая природа. Поэтому условия для предположения, что нечто конституирует референциальные отношения, попросту не могут быть выполнены.

Подытоживая вышесказанное, хочу сказать, что я вижу Лоара защитником каузальной теории, который обнаружил, что некоторые проблемы данного подхода можно излечить при помощи небольшой инъекции теории раскавычивания. Однако это может оказаться одним из тех случаев, когда лечение может оказаться опаснее самого заболевания. Поскольку дисквотационное объяснение нашей концепции референции не только решает проблемы неопределенности, но и угрожает не оставить каузальной теории какого-либо места**.

** Более подробно см.: Horwich P. Meaning. – N. Y.: Clarendon Press, 1998. – Прим. ред.